

Количество славянских народов как политическая проблема 40-х — 50-х гг. XX в.

Александр Вячеславович Зайцев,

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;

e-mail: zajczew.aleks2013@yandex.ru

Ключевые слова: карпаторуссы, лужицкие сербы, боснийцы,
Всеславянский комитет, Славянский конгресс, народность

List of Slavic Peoples as a Political Problem in the 1940s–50s

Aleksandr V. Zaitsev, Russian State University

for the Humanities, Moscow, Russian Federation;

e-mail: zajczew.aleks2013@yandex.ru

Keywords: Carpathian Russians, Sorbs, Bosnians, All-Slavic
Committee, Slav Congress, nationality

В 1941 г. в Москве был организован Всеславянский комитет (фактически заработал в 1942 г.), члены которого должны были в полноте представлять славянские народы. На учредительном собрании 5 октября 1941 г. присутствовали четыре представителя русских и по одному от других национальностей: украинцев, белоруссов (так тогда писали), поляков, болгар, чехов, словаков, сербов, хорватов, словенцев, черногорцев, македонцев.

Тем не менее в списке не у всех членов комитета была указана национальность. Это относилось к карпато-руссу И. Локоте и представителю ляхов О. Лысогорскому¹. В разных номерах журнала Всеславянского комитета (далее — ВСК) «Славяне» член ВСК Р. Стийенский назывался то югославским, то черногорским, то сербским поэтом². После смерти карпато-русского члена ВСК И. Локоты его заменил «представитель от карпато-украинцев» И. Турияца³.

В № 8 за 1943 г. журнала Всеславянского комитета «Славяне» была помещена справка о славянах, составленная при участии академика Н.С. Державина. В ней говорилось, что «обычно принято» разделение славян на восточных (русских, украинцев, белоруссов), западных (поляков, чехов, словаков, кашубов и сербов-лужичан) и южных (сербов, хорватов, словенцев, болгар и македонских славян). Карпато-руссов в списке не было, как, впрочем, и черногорцев. В статье «Славяне» в 51-м томе первого издания Большой советской энциклопедии (БСЭ), подписанной тем же Н.С. Державиным, был принят принцип деления славян по языковым группам. К западным славянам отнесли, в частности, кашубов, поморских словинцев и сербов-лужичан; к южным — македонских славян. Карпато-руссам и черногорцам опять места не нашлось.

В Национальный комитет Американского Славянского конгресса, образованного в 1942 г., были включены представители всех славянских народов, живших в США. Их насчитали 11: поляки, чехи, словаки, русские, украинцы, карпатские русские, сербы, хорваты, словенцы, болгары, македонцы. По состоянию на 1947 г. в список были добавлены белорусы⁴. Черногорцев не было, видимо, из-за малой численности их в США. В 1944 г. представители СССР, в том числе в США, дали понять карпато-руссам, что считают их украинцами⁵.

В начале марта 1945 г. на предварительный Славянский конгресс в Софии приехали, как писал анонимный автор отчета для ВСК, представители русских, украинцев, белоруссов, поляков, чехов, болгар, сербов, хорватов, словенцев, черногорцев⁶. Из материалов конгресса ясно, что в составе югославской делегации приехал и член ВСК, представляющий македонцев, — Димитр Влахов. Он призвал к предоставлению автономии Пиринской Македонии⁷. Очевидно, не все в Болгарии признавали македонцев отдельным народом. Представителя словаков на конгрессе не было; причины

не объяснялись, однако думаю, что они не были связаны с участием марионеточной Словакии в войне против СССР. Скорее всего, организаторы не желали допустить дискуссии о будущем статусе Словакии.

В конце 1946 г. в Белграде прошел Первый послевоенный славянский конгресс. При его организации список славянских народов был точно определен председателем мандатной комиссии: те же, что в Софии (считая македонцев), и словаки⁸. Председатель ВСК генерал А.С. Гундоров на конгрессе заявил: «Из двенадцати славянских народов пять живут в Югославии»⁹. И это при том, что на конгрессе ожидалась делегация лужицких сербов¹⁰.

Для СССР карпато-русский вопрос был решен превращением Народной Республики Закарпатская Украина в Закарпатскую область. Таким образом, карпато-руссы были признаны украинцами, иначе пришлось бы образовать как минимум Карпато-Русскую АССР в составе УССР. Однако в Северной Америке на эту проблему смотрели иначе. В 1950 г. генеральный секретарь Канадского Славянского конгресса Дж. Бойд (И.И. Бойчук) жаловался Славянскому комитету СССР: «У нас есть карпато-руссы, есть карпато-украинцы. Есть между ними лемки, которые были под Польшей. Есть несколько человек, которые не хотят признать, что они украинцы». Бойд предполагал, что карпато-руссы в конечном счете исчезнут. В сложившихся же условиях он считал нецелесообразным требовать от них самоидентификации как украинцев. Ему было достаточно того, что они состоят в «прогрессивной» общественной организации¹¹.

Журнал Славянского комитета СССР «Славяне» писал о лужицких сербах и в 40-е, и в 50-е годы, называя их то народом¹², то народностью¹³, то национальностью¹⁴. В результате возникла неловкая ситуация: народ в «социалистической семье народов» оказался без территориальной автономии. Советская этнография давала ответ: лужицкие сербы — народность¹⁵. Судьба народности могла быть двойкой: или

развиться до нации, или ассимилироваться¹⁶. Учитывая численность лужицких сербов, первый вариант был вполне естествен¹⁷.

К тому же статус народности не препятствовал дарованию территориальной автономии (народы Крайнего Севера в РСФСР)¹⁸. В любом случае вопрос о славянском народе, не получившем территориальной автономии, старались не вспоминать.

Еще меньше оснований для оптимизма было у малых народов Польши. ПНР строилась как унитарное государство, и ни о какой автономии на ее территории, кроме культурной, речь не шла. Философ О.К. Шевченко, подытоживая судьбу малых славянских народов, винит прежде всего великие державы и Польшу, но возлагает ответственность и на всё международное сообщество: «В угоду Польше, СССР, США, Великобритании был поставлен крест на гармоничном развитии десятка (это можно считать преувеличением. — А. З.) европейских этносов. Если в части, касающейся силезцев и кашубов, заметны попытки вернуть историческую память о прошедшей трагедии, то в отношении русинов продолжается “заговор молчания”»¹⁹. Полагаю, что в обстановке межнациональной нетерпимости, сложившейся в Восточной Европе после Второй мировой войны, великие державы не смогли бы гарантировать автономию всех малых славянских народов.

В Федеративной Народной Республике Югославия, напротив, существовала территориальная автономия без титульной нации. Крупный югославский чиновник писал о ней для журнала «Славяне»: «смешанная в национальном отношении республика Босния-Герцеговина»²⁰. Тогда в ФНРЮ не знали, как называть жителей республики, не принадлежащих ни к сербам, ни к хорватам.

Перед редакцией журнала «Славяне» этот вопрос встал в 1956 г., когда в нем была помещена статья о Югославии. Из нее следовало, что все перечисленные в статье

национальности страны составляют в общей сложности 87% ее населения²¹. Остальные 13% приходились, как можно было догадаться, на тех жителей Боснии и Герцеговины, которые не считали себя ни сербами, ни хорватами. На заседании редколлегии статью признали неудачной, слышалась критика: «В статье не говорится, кто же живет в Боснии и Герцеговине»²².

Почти одновременно с этим в статье «Славяне» второго издания БСЭ в списке славянских народов были упомянуты боснийцы (а также черногорцы, кашубы и лужичане)²³. Причем термин не связывался с религиозным самоопределением, как произошло в СФРЮ и при распаде Югославии.

Вторая мировая война вызвала в Европе стремление к этническому упрощению и однородности, чему не препятствовали великие державы. В этих условиях национальным меньшинствам не на что было рассчитывать, кроме исторического везения. Боснийцам повезло, да и то лишь отчасти, если посмотреть на нынешнюю Боснию и Герцеговину.

При составлении списка славянских народов научные работники и общественные организации 1940-х гг. руководствовались различными критериями. Решающим политическим фактором в судьбе малых славянских народов оказалась воля руководства СССР и славянских стран. Сейчас и научные работники, и общественные организации славян свободны от политического давления и могут руководствоваться при подсчете славянских народов объективными критериями.

Примечания

¹ *Кикешев Н. И.* Славянское движение в СССР: 1941–1948 годы. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2008. URL: http://sklaviny.ru/libris/lib_k/kik00.php (дата обращения: 13.03.2020).

² *Стийенский Р.* Черногорцы // Славяне. 1942. № 3. С. 29; *Стийенский Р.* Боснийский партизан // Славяне. 1942. № 5–6. С. 53.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 1. Л. 55об.

- ⁴ ГА РФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 167. Л. 90.
- ⁵ *Шевченко К. В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX в. М., 2011. С. 370.
- ⁶ ГА РФ. Ф. Р-6646. Оп. 4. Д. 4. Л. 1.
- ⁷ Там же. Л. 38.
- ⁸ ГА РФ. Ф. Р-9564. Оп. 1. Д. 40. Л. 47.
- ⁹ *Гундоров А.* Новое славянское движение и задачи славянских организаций // Славяне. 1947. № 1. С. 67.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-6646. Оп. 4. Д. 97. Л. 4.
- ¹¹ Там же. Д. 53. Л. 10об.
- ¹² *Крениц К.* Лужицкие сербы — славянское национальное меньшинство Германской Демократической Республики // Славяне. 1956. № 1. С. 17–20.
- ¹³ *Шнеллер В.* Лужицкие школы // Славяне. 1958. № 3. С. 39.
- ¹⁴ *Арбат Ю.* В городе лужичан // Славяне. 1958. № 12. С. 33.
- ¹⁵ *Агаев А. Г.* Некоторые теоретические проблемы народности как этнической общности. Автореферат дисс. на соискание ученой степени д-ра филос. наук. Ереван, 1966. С. 4.
- ¹⁶ Там же. С. 41.
- ¹⁷ Там же. С. 33.
- ¹⁸ *Константинов Ф. Т.* Некоторые проблемы будущего наций и народностей. М., 1970. С. 7–8.
- ¹⁹ *Шевченко О. К.* Историческая судьба русинов и вопрос об ООН на Крымской конференции 1945 г. // Русин. 2015. № 2 (40). С. 182.
- ²⁰ *Зихерл Б.* Новая конституция Югославии // Славяне. 1946. № 1. С. 15.
- ²¹ *Комиссаров П.* Как разрешен национальный вопрос в Югославии // Славяне. 1956. № 6. С. 19.
- ²² ГА РФ. Ф. Р-9170. Д. 27. Л. 21.
- ²³ Славяне // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 39. 1956. С. 291.